
DOI 10.15826/qr.2015.2.095

УДК 821.161.1 Мамин-Сибиряк-3+82.091

Лариса Соболева

**ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ В РОМАНЕ
Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ХЛЕБ»**

Larisa Soboleva

**ELEMENTS OF NATURE
IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S
NOVEL *BREAD***

The article considers imagery connected to the elements of nature in the novel *Bread* (1895) from the *Urals* cycle by the known Russian writer Dmitry Mamin-Sibiryak; it explores the importance of the images of water, earth, and fire for the realization of the novel's main idea.

The novel is based on the events preceding and following the great hunger of the 1891–1892 that had affected even the most fertile lands of Russia and touched upon the Trans-Urals. We argue that the writer sees the causes for this catastrophe not as much in the forces of nature, as in the general indifference of the people, their vane ambitions, absence of mercy, irresponsibility of the officials, and merchants' own adventurism. The novel's main heroes give in without exception to the temptation of easy life and fast enrichment. Loss of immunity to evil and reluctance to consider the consequences of one's own actions leads to amorality in traditionally agricultural regions. Fertile land, once utopianly beautiful, turns into cold desert towards the end of the novel. The force of life transforms into deadly threat. *Klyuchevaya* river that was lavishly giving away its waters, serving as the main artery for the vast region, turns into a grave for the main hero, Galaction Kolobov. The fire rages in the city, destroying it like a divine power that is punishing sinners. The elements, being an integral part of nature, therefore attain utterly symbolic meaning in the novel, revealing awful consequences of the human moral fail to the reader. The author uses those interpretations of the imagery that stem from the Biblical and popular Christian understanding.

Introducing elements of nature endows the novel with a universal dimension; thus small town events become tropes of the all-human tragedy resulting from the loss of *true* life values. Mamin-Sibiryak painfully anticipates the

forthcoming catastrophes of the 20th century; analyzing in his novel the deadly results of the recent events, he warns the reader of a possibility for yet deeper crisis, leaving them at the crossroads of the diverse possible ways for their Motherland.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiriyak, Russian literature, elements of nature, hunger in Russia, development of Trans-Urals capitalism, characters of Russian manufacturers.

Рассматривается обращение известного русского писателя XIX в. Мамин-Сибиряка к образам стихий в романе «уральского» цикла «Хлеб». Показываются, насколько существенны были образы воды, земли, огня для воплощения идейной основы произведения. Роман, созданный на основе драматических событий случившегося голода 1891–1892 гг., который поразил даже самые плодородные губернии России, затронув Зауралье. Причины катастрофы писатель видит, по мнению автора, не только в природных катаклизмах, сколько в равнодушии людей, необоснованных амбициях, отсутствии милосердия, безответственности власти и предпринимательском авантюризме. Все главные герои романа подвергаются искушению легкой жизни и быстрого обогащения. Потеря иммунитета к злодейству, нежелание думать о последствиях поступков формируют аморальный климат в местах, связанных с традиционной земледельческой культурой. Благодатная земля, утопически прекрасная в начале романа, превращается в холодную пустыню в конце повествования. Живительная сила преобразуется в смертельную угрозу. Река Ключевая, щедро дарившая свои воды и бывшая главной артерией края, становится могилой для главного героя Галактиона Колобова. Огонь обрушивается на город, уничтожая его, подобно небесной силе, наказующей грешников. Стихии, будучи неотъемлемой частью природных условий, в романе обретают символическую природу, открывая читателю ужасающие последствия человеческого нравственного падения. Писатель использует трактовки этих образов, восходящие к библейскому и народно-христианскому пониманию.

Обращение к изображению стихий дает роману необходимый вселенский масштаб, события провинциального города становятся воплощением общечеловеческой трагедии в результате утраты подлинных жизненных ценностей. Мамин-Сибиряк предчувствует грядущие катастрофы XX в. и в своем романе не только анализирует случившиеся губительные последствия, но и предупреждает читателя о возможном углублении кризиса, оставляет его на перепутье, заставляя думать о выборе пути и способах спасения отечества. Философская, мировоззренческая подоплека романа усиливается организующей ролью стихий в сюжете и композиции текста.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, русская литература, образы стихий, голод в России, становление капитализма в Зауралье, образы российских предпринимателей.

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» завершает череду так называемых «уральских» романов писателя. Он был написан в сложное время конца XIX в.¹ (1895), время кризиса в социальных отношениях, время утверждения капиталистического типа хозяйствования. В равной степени это было присуще районам, связанным с производством и продажей хлеба [Китанина]. Для России эти процессы оборачивались бесконечным разнообразием конфликтных, зачастую трагически непримиримых ситуаций, которые в обостренном творческом сознании писателя требовали художественного воплощения.

Драматическим событием, подтолкнувшим писателя к необходимости (именно так!) создания художественного полотна о процессе экономического переворота и изменений в мире человеческих чувств и взаимоотношений послужил голод 1891 г.² Это событие потрясло писателя парадоксальной возможностью смерти от недоедания в хлебной империи, особенно в Зауралье, которое в совокупности с Поволжьем относилось к главным хлебопроизводителям, и не только для России. Взволнованные очерки о катастрофическом состоянии народа писали высочайшие авторитеты, формирующие общественное мнение (Л. Н. Толстой), друзья и коллеги Д. Н. Мамина-Сибиряка по писательскому цеху. Во второй половине XIX – начале XX в. появились многочисленные работы по истории голода, аналитические статьи по сельскому хозяйству и возможных мерах его улучшения (см., например, работы периода создания романа: [Романович-Славятинский; Цитович; Леонтович]). После нескольких десятилетий общественного ожидания положительных изменений в пореформенной России случившийся голод был шоковым событием, обнажившем внутренний конфликт в российской жизни [Носова].

После страшных документальных сведений и катастрофических картин голодных смертей литература не могла оставаться прежней, и это ярко воплотилось в творчестве многих писателей. Но если в большинстве своем эта тема была задействована в жанре очерка или рассказа (В. Короленко, Л. Андреев, Г. Успенский, А. Чехов и др.)³, то в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка кульминация народной трагедии воплощается в жанре романа. Роман этот неоднократно был предметом рассмотрения историков литературы, главное внимание при анализе уделялось проблемам социологического плана, связанным с изображением конфликта традиционной формы хозяйствования и нарождающегося банковского капитала [Миночкина]. Но уже И. А. Дергачев отмечал в комментариях к роману при его издании, что

¹ Первая публикация см.: Русская мысль. 1895. № 1–8.

² В результате голода 1891–1892 гг. в России умерло, по разным данным, от 400 до 600 тыс. человек [Книга, с. 21].

³ См., напр.: [Толстой Л. Н., т. 25, с. 411; т. 29, с. 86–116, 117–144; 215–232; Чехов, т. 9, с. 281–312; Андреев; Короленко, т. 5; Златовратский]. Подробную библиографию см.: [Емельянов].

роман – не социологический трактат. Здесь художественное исследование социального организма все же подчинено задаче разобраться в судьбах и характерах людей, в их радостях, бедах, взлетах духа и огорчениях, их подъемах и падениях. Автор ставит вопрос о границах свободы и условиях необходимости, с которыми должна считаться личность. Он хочет понять, в какой мере стихия общественного развития и деятельность согласуются, в каких антагонистических отношениях находятся, возможна ли гармония? [Дергачев, с. 427].

Все, о чем писал Мамин-Сибиряк, всегда имело подоплеку трудных раздумий о судьбе России, размышлений о возможных путях развития и драматических поворотах в истории отечества. В желании автора создать эпическое полотно сквозила цель потрясти разум и чувства читателей, вызвать деятельную реакцию общества, направленную на принятие мер к спасению народа, обнищание которого он наблюдал в своих путешествиях по России и воспринимал это как путь к гибели отечества.

Мамин-Сибиряк – мастер создания детализированного, исторически точного описания быта, привязки его к социокультурным контекстам человеческого существования. Столь же точен и разнообразен автор в описании перекрещивающихся желаний и интенций персонажей романа. Развитие судеб в романе напоминает броуновское движение, на первый взгляд неупорядоченное и противоречивое, но имеющее выраженный вектор к трагическим развязкам. В творчестве Мамина-Сибиряка позитивистские идеи его времени, объясняющие развитие общества законами научно-естественного генезиса, сочетаются с пониманием стихийности жизни, непредсказуемости и неуправляемости природных сил. Это парадоксальное сочетание придает роману общечеловеческую масштабность, писатель обращается к самобытному поэтическому приему, привлекая в качестве жизненной скрепы соотношение природных стихий и человеческих устремлений. Стихия социального бытия человека ярко высвечивается в романе на фоне природных стихий и их символической роли в обобщении и типологизации поворотов истории в судьбе всего народа.

Хлеб – всему голова

Скрепляющим образом становится концепт хлеба, вынесенный в заголовок романа. О сути этого образа для концептосферы российской картины мира писалось неоднократно [Митрофанова, 2002]. Действительно, в русской народной культуре хлеб – своего рода символ жизни и ее продолжения. В образе хлеба при этом как бы сливаются три стихии, к которым Мамин обратится в романе: водная,

земная и огненная. Заполье – своего рода столица хлеба. Мамин семантизирует пространство города: описывая город, он подчеркивает, что «все богатое, именитое в Заполье сбилось именно на Хлебной улице и частью на Хлебном рынке, которым она заканчивалась, точно переходила в громадный желудок» (с. 30)⁴. На выращивании и торговле хлеба наживают состояние жители Заполья. Обобщенный образ «новых знакомых» Михея Колобова словно также пришел из утопических легенд о мужицком счастье:

И мужики тоже не бедовали. Рожь сеяли только на продажу, а сами ели пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смотри. Смолотая на раструске пшеничная мука была хоть и серая, но такая душистая и вкусная. Суслонские бабы отлично пекли свой пшеничный хлеб, а ржаного и в заводе не было. Так уж велось исстари, как было поставлено еще при дедах. От всего веяло тугим хорошим достатком. И народ был все рослый и крепкий – недаром этих «пшеничников» узнавали везде (с. 59).

Успешная реализация бытия человека кроется в его способности использовать и соотносить социальную жизнь с природными условиями и природными ограничениями. Природа и ее стихии могут быть благоприятны или враждебны к человеку, но в романе стихии обладают антропологической природой, негатив – следствие человеческой дисгармонии с миром и с самим собой. Мамин выводит фактически в качестве стихии иную злую силу – силу денег. Неумение ее разумного использования, неспособность противостоять искушению, которое несет в себе эта сила, приводят персонажей романа и утопически прекрасный мир Заполья к катастрофе вымирания от голода.

В основе повествования – переплетение судеб многих героев, их амбиции, тайные и явные желания, взлеты и катастрофические падения, утраты и обретения жизненных смыслов. Писатель начинает свой роман с того, чем традиционно заканчивают сюжет, – со свадьбы главного героя Галактиона Колобова. Излюбленный прием писателя состоит в соединении логики семейно-родовой жизни героев с историческими обстоятельствами времени [Соболева, 2012]. В желании обрести невесту для сына старик Колобов, талантливый крепостной самоучка, старовер и каторжник по родовым корням, проходит пешком по зауральской земле (в топонимике автора – Заполье), мечтавая преобразовать, оживить эти края, поставить на реке Ключевой мельницу, заставить ее работать на себя и свое семейство. И идя по этой земле, Михей Зотыч Колобов, наделенный писателем особой чуткостью и недюжинным умом, не только вычитывает в этой земле ее прошлое, но рисует себе ее будущее.

⁴ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на текст романа по наиболее выверенному изданию 1984 г. под редакцией И. А. Дергачева и с его комментариями: [Мамин-Сибиряк].

Земля как доминантный мифообраз Зауралья

Особое отношение русского человека к земле-кормилице Мамин подробно описывает в ряде текстов. Так, герои романа «Три конца», привезенные из хлебопашных районов Тульской губернии, живут одной мечтой – вновь обрести землю как единственную и непреходящую ценность. В круге представлений русского человека земля как дарованное Богом сокровище, земля живая, образ земли соотнесены с Богородицей, с материнским культом. Изначально культ рода и земли был единым целым, и по древнейшим верованиям преступника, пролившего кровь рода наказывала сама земля⁵. Таким образом, земля выступает не только как спасающая, но и как наказывающая сила. В своем исследовании круга концептуальных представлений русской народной культуры Н. И. Толстой отмечал, что «чистая, святая, рождающая и дающая жизнь людям земля была носителем правды и справедливости, ей нельзя было солгать, от нее нельзя было ничего скрыть» [Толстой Н. И., с. 507]. Эти возникшие в далекую языческую эпоху представления не были разрушены последующим православием, а, скорее, как считает исследователь, были укреплены народным «бытовым» христианством.

Колобок, не скрывая своего восхищения, любит расстилающейся перед ним землей. Любование исходит от путешествующего Колобка, само прозвище которого связано и с образом хлеба и с образом земли, по которой он «катится»:

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то детское умиление, и он готов был целовать благодатную землю, точно еврей после переселения в обетованную землю. Уж очень хорошо было кругом. Народ жил полною чашей, – любо посмотреть. Этакого-то удобного места по всей Расее не сыщешь с огнем. Народ еще не «испотачился» и жил по-божески. Все свое, домашнее, – вот и достаток, потому что как все от матушки-земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить (с. 71).

Мамин соединяет два идеализированных архетипических образа. С одной стороны, у него обетованная земля, отданная избранному народу Израиля, вышедшего из египетского плена, с другой – это земля из утопической народной легенды, земля, которая сама родит, земля, которая не нуждается в каждодневном каторжном труде:

Весь бассейн Ключевой представлял собой настоящее золотое дно, потому что здесь осело крепкое хлебопашественное население, и благодатный зауральский чернозем давал баснословные урожаи, не нуждаясь в удобрении (с. 29).

⁵ Именно такая трактовка роли земли проявилась в культе Бориса и Глеба: по тексту Сказания и других памятников земля не принимает в свое лоно тело Святополка.

Утопическая жизнь на этой земле рисуется словами одного из персонажей (Вахрушки) в начале первой главы:

Не житье им здесь, а масленица... Мужики богатые, а земля – шуба шубой. Этого и званья нет, штобы навоз вывозить на пашню: земля-матушка сама родит. Вот какие места здесь... Крестьяны государственные, наделы у них большие, – одним словом, пшеничники. Рожь сеют только на продажу... (с. 9).

Писатель афористически точно подбирает определения утопического ряда для крестьянского мировосприятия. Пшеница подается как основная еда крестьян, а рожь – только для продажи⁶. Это и есть крестьянское царство, где молочные реки с кисельными берегами.

Казалось, что этому «божьему царству» не будет конца⁷, но вот настают страшные времена, через необдуманные, продиктованные жадностью и корыстолюбием дела людей приходит в Заполье настоящая катастрофа. Хлебная монополия разоряет край, перевод хлеба на водку и недород из-за засухи приводят к тому, что земля отказывается от человека. Писатель видит причины не только в природных климатических изменениях, но прежде всего в нежелании думать, работать и жить в трудовом союзе с землей. Согласно круговой композиции Колобок в эпилоге вновь оказывается в тех же местах, которые он проезжал в начале своего судьбоносного пути. Картина, которая расстилается перед глазами, удручает и не сулит в будущем ничего светлого, потому что, кроме природной, перед читателем нравственная катастрофа. И эта катастрофа оказалась непреодолима, это тот «душевный голод», который позволит населению огромного и богатого края бездумно расточить земные блага. *Никто не смог устоять перед легкими, на первый взгляд, деньгами водочных производителей.* Словно эпидемия охватила население, спустившее банковские кредиты на приобретение предметов нового быта.

Причина казачьей голодовки была налицо: беспросыпная казачья лень, кабаки и какая-то детская беззаботность о завтрашнем дне. Если крестьянин голодает от своих четырех десятин надела, так его и бог простит, а голодать да морить мором скотину от тридцати – прямо грешно. Конечно, жаль малых ребят да скотину, а ничем не поможешь, – под лежач камень и вода не течет (с. 377).

В изображении Мамина сама земля становится страдальцей. Она, словно монахиня, «затворяется», то есть отказывается кормить согре-

⁶ Хлеб всегда связывался с благополучием, что получило образное воплощение в подблюдных песнях, предсказывающих хороший год [см.: Чичеров, с. 104]. Выражение «Мужики богатые, гребут золото лопатой» входит в гадательный и паремиологический фонд русского фольклора.

⁷ Глубокую и детальную работу о крестьянской утопии см.: [Клибанов].

шивший народ. Возникает поистине апокалиптическая картина разлада народа со своей землей.

Хорошего и тут мало было. Народ совсем выбился из всякой силы. Около десяти лет уже выпадали недороды, но покрывались то степным хлебом, то сибирским. Своих запасов уже давно не было, и хозяйственное равновесие нарушилось в корне. И тут пшеничники плохо пахали, не хотели удобрять землю и везли на рынок последнее. Всякий рассчитывал перекрыться урожаем, а земля точно затворилась (с. 377).

В своих размышлениях о природе голода, значении нравственной силы народа и ответственности власти Мамин переключается с высказываниями Льва Толстого по этому поводу.

Значение реки Ключевой в развитии конфликта

Вторая животворящая и в то же время опасная для человека стихия – вода привлекала внимание писателя во многих текстах. Ее жизненная основа для человека и историческая роль в освоении уралосибирского региона вполне осознавалась писателем, и конкретное описание характера уральских рек соединялось с трактовкой их символической сути. Особенно ярко это проявилось в очерке «Бойцы (Очерки весеннего сплава по реке Чусовой)», где плавание по реке (сплав) предстает как девятидневное испытание грешной души человека, ведущее к очищению и прощению. Столь же важной и символически насыщенной является роль реки в данном романе писателя. Переименование реки Исеть в Ключевую раскрывает замысел писателя. Топоним Ключевая имеет, как уже было высказано исследователями, несколько взаимосвязанных смыслов [Девятайкина]. Во-первых, реализуется значение ключа как источника, который пробивает земную твердь, принося с собой жизнь, оживляя все вокруг. Здесь подчеркивается его живая природа, противостоящая застою⁸. Восхищение рекой, понимание ее витальной сути выражено в словах Колобка: «А больно хороша река, вот и глядел... ах, хороша!.. Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется» (с. 6).

Богатство края определяется соединением плодородной земли и «главной кормилицы» реки, как называет ее писатель словами своих героев⁹. Мамин воспринимает реку в антропологической парадигме: это главная «артерия» благословенного Зауралья, она «сжата круты-

⁸ Подобный топоним хорошо известен в русской литературе, будучи представлен в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.) как воплощение живительного начала, принесенного христианством.

⁹ В народных крестьянских легендах утопическое царство («Беловодье»), как явствует из изысканий К. В. Чистова, возможно при нескольких необходимых составляющих: чистые полноводные реки, плодородная земля и отсутствие несправедливой власти, выраженной в системе государственного принуждения [Чистов].

ми берегами», в речах Колобка слышатся отголоски древнейшей мифологии воды как женского начала [Аверинцев]: «И невесту уж высмотрел. Хорошая невеста, а женихов не было. Ну, вот я и пришел... На вашей Ключевой женюсь» (с. 35)

В названии «Ключевая» заключен социоэкономический и антропологический смысл. Река является ключом к открытию богатств края, и ее красота, свобода и мощь стимулируют творческие искания человека, дают веру в свои силы, подталкивают его новым поворотам в деятельности. В XIX в. при отсутствии железнодорожного сообщения реки являлись для России главными связующими звеньями общегосударственного хозяйства. И если старший Колобков, задумывая заставить край, мечтает заставить реку крутить мельничное колесо, то его сын Галактион масштабно представляет себе, как он организует паромные перевозки по реке.

Стихийная сила воды выявлена Маминым в романе не так масштабно, как при описании поведения реки Чусовой [см.: Кунгурцева], но и Ключевая имела свой характер: при ее разливе «ключевские мельники со страхом ждали полой воды, которая рвала и разносила по веснам их плотины» (с. 292).

Река у Мамина – живое существо, она становится частью жизни Галактиона, который своими грандиозными планами готов перевернуть застоявшийся тихий мир Заполя. Писатель привлекает внимание к говорящей детали. Городок Заполье, располагаясь в бассейне реки, отделен от нее большим болотом. Горожане никак не могут справиться с силами и организовать строительство дороги к реке, что в будущем станет причиной огромного пожара, уничтожившего большую часть города. У Мамина деталь природного ландшафта становится символом жизни города, прозябающего в застойном, засасывающем состоянии.

Масштаб замысла Галактиона писатель сравнивает с половодьем. Мамин предсказывает, что человек может не сладить с собственными амбициями, становясь игрушкой в тисках разбухших им сил, что интуитивно ощущает Галактион. Ему

вдруг сделалось жаль этого маленького городка, жившего до сих пор тихо и мирно. Что с ним будет через несколько лет? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своем пути все, как прорвавшая плотину вода. И он явился покорным слугой этой силы с первого раза (с. 199).

Галактион Михеич Колобов – один из наиболее противоречивых героев в изображении Мамина. В нем присутствует наследие предков-староверов, вынужденных выживать в противостоянии государственной религиозной политики. В то же время он потомок рода, в котором творческое начало мастера своего дела сочетается со смелостью и даже дерзостью. Дед, основатель рода, – каторжник

из Сибири, так и не открывший свою биографию потомкам, отец Галактиона Михей смекалкой заработал состояние и выкупил себя и семью из заводской крепостной зависимости. Автор дает имя герою романа, явно намекая читателю на семантику «молочный» (греч.), то есть на главную пищу славян наравне с хлебом. По магическим верованиям славян молоко входит в систему оберегающих ритуалов, и молоко связано с дождем, в сказках молочные реки текут в царстве мертвых; в поверьях восточных славян Млечный Путь – это дорога на «тот свет» [Толстая]. Но в имени реализована семантика галактики (Вселенной), приводящая к смыслу всеохватности интересов героя, мощи его замыслов относительно мира Заполя.

Третий смысл вскрывается в соотношении с семантикой жития раннехристианского мученика Галактиона, которого после долгих мучений утопили в море (праздник 22 июня по старому стилю)¹⁰.

В образе Галактиона новый человек – не только предприниматель, промышленник и банковский делец, в нем воплощается персонаж масштаба культурного героя, готового принести новый тип жизни, разбудить провинцию, изменить жизненный темп и жизненные цели населения. Подобно рода персонаж многократно возникает в творчестве Мамина, но в этом романе его судьба обретает трагическое звучание.

Выводя новый тип героя, автор идет по пути создания своего рода антижития. Изначально перед читателем идеальный персонаж. Все, начиная с внешности героя и заканчивая его энергичным характером и добрым нравом, склоняет к вере в его возможности успешно реализовать далекоидущие планы.

Это был высокий статный молодец с типичным русским лицом, только что опущенным небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно улыбались. <...> За что ни возьмется, всякая работа горит в руках. Он и механик, и мельник, и бухгалтер, и все, что хочешь. Никакое дело от рук не отобьется (с. 38).

Кроме того, на его стороне сама судьба: «Галактиону везде везло, – такой уж удачливый зародился» (с. 63), и его тянуло на широкий простор. Галактион удачливо внедряется в новый мир, вызывая одобрение и даже восхищение немца Штоффа, который предвидит в его лице появление нового типа русского деятеля, становящегося героем своего времени:

Нынешний, настоящий герой не имеет даже имени, история не занесет его в свои скрижали, благодарное потомство не будет чтить его памяти...

¹⁰ В планах писателя жизнь самоубийством в волнах реки должна была закончить Харитина, впоследствии автор изменил развязку, сделав жертвой Галактиона. В житии Хариты (Харитины) имеется эпизод, когда мучители бросают ее в море, по которому она идет как по суше, уподобляясь Христу (день празднования 5 (18) октября) [Дмитрий Ростовский, с. 261–269]. Но, видимо, женская жертва после раскрытия этого мотива у А. Н. Островского показалась писателю банальной.

Сам по себе он даже не интересен и даже лучше его совсем не знать, ибо он весь растворяется в своем деле, он фермент, бродильное начало, та закваска, о которой говорится в писании... да. Одним словом, я говорю о Галактионе (с. 363–364).

По его мнению, Галактион способен открыть новые пути, использовать народные богатства, стать своего рода гением дела. Это герой, в котором странно переплелись память о традициях предков, чувство момента и деловая хватка, тоска по нереализованной мечте об утопически-прекрасном будущем. При этом пафос речи и идеальная характеристика снимаются тем, что ее произносит не самый авторитетный человек в окружении веселящейся на пароходе компании, до которой он не успевает донести свой послыл: его импровизированный тост прерывается видом городского пожара на берегу. Аллюзии к герою своего времени очевидны, но это герой несостоявшийся – как не состоявшимся остался панегирик Галактиону в речи немца.

Перелом в судьбе и поведении героя происходит после его погружения в пучину новой, незнакомой ему жизни капитала и новых отношений, основанных на обмане, жесткости, немилосердном использовании людей. Даже если это люди со своими заблуждениями, ошибками и преступлениями. Именно здесь автор выходит на подлинно национальную традицию, которая не может допустить благополучное существование героя нового времени вне мучительных переживаний совести. Высокая и прогрессивная идея развития края оборачивается его гибелью, если в ее основу ставятся жестокость и обман. В судьбе героя пересекаются трагедии личной жизни (смерть жены, оксюморонно названной автором Серафима, от пьянства, разорение отца, моральное опустошение возлюбленной Харитины) и гибель такого привлекательного и благополучного в прошлом, потенциально перспективного в настоящем края. Судьба земли и населяющих ее людей рисуется писателем в эсхатологических красках. Михей Колобов вместе со старцем из скита в эпилоге едет по совершенно разрушенной пустой земле, диаметрально противоположной той благодати, которая расстилалась перед ним в начале романа. Таким образом, автор соединяет в романе спасение отечества и спасение души человека в одну неразрывную цепь, слабыми звеньями которой являются не столько природные стихии, сколько грехи, порожденные себялюбием человека. Русская литература в такой трактовке раскрывает этот извечный конфликт начиная со «Слова о полку Игореве» и летописных повестей о княжеских преступлениях, проводя через высокий пафос толстовской эпопеи и гоголевского горького смеха к роману Мамина-Сибиряка. Омертвление души оборачивается телесной смертью. «Духовный голод» преобразуется в телесный голод. Проведя героя через испытания высокими помыслами и сломавшими его искушениями, автор завершает роман трагической развязкой: Галактион кончает жизнь самоубийством, бросившись в воды той самой

реки, которая должна была служить возрождению Заполя. Реанимируется не только мотив жертвы, присутствующий в житии мученика Галактиона, но и более архаические представления народной дохристианской культуры о реке, уводящей в мир предков, о реке забвения, о реке, связанной «с идеями судьбы, смерти, страха перед неведомым, с физиологическими ощущениями холода и темноты, эмоциональными переживаниями утраты, разлуки ожидания» [Топорков, с. 333]. Смерть Галактиона – своего рода искупление вины перед родом, семьей и верой, светлыми мечтами и общечеловеческими ценностями доброты и милосердия¹¹. Именно в их отсутствии обвиняет его накануне Устенка. Галактион казался ей каким-то проклятым человеком, который тем не менее был симпатичен ей своей энергией и необъяснимым обаянием. Устенка – самый привлекательный женский образ, героиня, в которой для Мамина сосредоточено все самое человеческое и гуманное, все, с чем автор связывает дальнейшее течение жизни.

Пожар в Заполье как наказание за «духовный голод»

Огонь в качестве природной стихии имеет то отличие, что его появление в городах и поселках в большей степени зависит от деятельности человека, и беда, принесенная пожаром, наиболее часто встречающееся бедствие. В архаических верованиях огонь воспринимался в двух ипостасях: огонь домашний, прирученный, огонь очага, метафорически преображенный в огонь творчества и огонь чувств. Противоположная семантика – огонь уничтожающий, сила, наказующая человека, одновременно обладающая очистительной семантикой. Это огонь пожара, огненная река, которая отделяет мир живых от мира мертвых и которую необходимо перейти после смерти, огонь Страшного суда [Топорков, с. 285]. В современных исследованиях символики огня в христианстве отмечается, что для верующего библейский огонь везде един. Будучи порожден Господом, он безвреден для праведника и смертельно опасен для грешника, огонь Господень «выжигает грех». В Библии огонь упоминается многократно, и среди самых распространенных его значений – огонь как самоуничтожение греха и как проявление Божьего гнева. Жертвенный огонь исполняет ту же функцию, так как уничтожает перенесенный на жертву грех [подробно см.: Охоцимский]. Тема огня в варианте пожара не раз упоминается в творчестве Мамина и многогранно реализуется в романе «Хлеб».

Мамин-Сибиряк готовит читателя к возможной огненной катастрофе, истоки которой в равнодушии людей. Вот Колобок делает замечание своему будущему свату Малыгину о хранении хлебных запасов вместе с льняным семенем: «Вот это ты напрасно, Харитон

¹¹ Мировоззренческая подоплека жертвоприношений в древних культурах кроется в уподоблении различных частей тела части вселенной. Это соответствует представлению о творении человека из четырех стихий [см.: Мильков, с. 229].

Артемьич. Все такой припас, што хуже пороху. Грешным делом, огонек пыхнет, так костер костром, – к слову говорю, а не беду накликаю» (с. 22). Предрекает будущий пожар Михей Зотыч и всему городу Заполью: «Грешным делом, огонек пыхнет, вы за водой, да в болоте и завязнете. Верно говорю... Не беду накликаю, а к примеру. Все соглашались с ним, но никто не хотел ничего делать. Слава богу, отцы и деды жили, чего же им иначе? Конечно, подъезд к реке надо бы вымостить, это уж верно, – ну, да как-нибудь...» (с. 38). Но и сам Колобов причастен к общему греху жадности и корысти. Он подает пример, сжигая свои мельницы, чтобы получить страховку. «Это точно послужило сигналом. Мельничные пожары начали из года в год повторяться с математической точностью, так что знатоки дела вперед предсказывали, чьи теперь мельницы должны были гореть. И обреченные мельницы в указанный срок загорались» (с. 330).

И была в этих предсказанных пожарах греховная обреченность города, стоящего у пропасти нравственного падения. Мельницы, которые должны были работать для хлеба, спасая людей от голода, делаются средством наживы. Городской пожар становится неизбежным. Его масштабы все увеличивались, охватывая весь город. «Пожар начался в городском предместье Теребиловке, где засела мещанская голь перекатная. Загорелась какая-то несчастная баня. С бани огонь перекинулся на соседнюю стройку, а потом уже охватил разом целый порядок». Мамин пишет с горькой иронией бывалого репортера:

Пожарная команда оказалась в неисправности, как и следует быть пожарной команде, – прогресс еще не дошел до нее. Бочки рассохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды, – одним словом, все как и должно быть. Стоявшая засуха делала из деревянных мещанских построек какую-то подтопку, и огонь захватывал одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось в том, что нельзя было проехать за водой к Ключевой. Река была на виду, а добраться до нее нельзя. Сделавшие отчаянную попытку бочки пожарного обоза застряли в трясине, да еще на беду сломался ветхий мостик через болото. Получалась картина полной беспомощности (с. 365).

В перечислительную интонацию вклиниваются чувства апокалиптического отчаяния, пожар уподобляется разлившейся огненной реке, в его разрастании участвует четвертая стихия – вихрь. Религиозный подтекст наказания грешников автор раскрывает, упоминая, что на город ополчилось само небо, а жители стояли с иконами (образами). Старики воспринимают пожар как наказание, которого можно избежать только молитвой и взыванием к божественным силам.

Когда из Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всех охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, как город уже был охвачен пламенем. Теперь сразу горело в нескольких местах.

<...> А пожар все разливался. Носились тучи искр, огонь перебрасывало через несколько кварталов, а тут еще поднялся настоящий вихрь, точно ополчилось на беззащитный город само небо¹². Горел хлебный рынок, горел Гостиный дом, новые магазины, земская управа, женская гимназия, здание Запольского банка. Картина получалась страшная. Большинство домов были деревянные, и притом по амбарам везде хранилась пенька, лен, льняное семя и т. д.¹³ <...> У ворот стояли старики и старухи с образами в руках (с. 365).

Перед читателем разворачивается картина наказания «огнем неугасимым» грешного города. Подобного рода образы часто использовались староверами, даруя им надежду на спасение очищающим и карающим огнем погрязшего в греховном «болоте» мира. В лицевых старообрядческих апокалипсисах, распространенных на Урале, миниатюры с изображением исчезающего в пламени города служили своего рода манифестацией протеста праведников, очутившихся в мире антихриста¹⁴. Огонь карающий, огонь апокалиптический не только уничтожил большую часть города, но и разорил все среднее купечество и открыл дорогу банковскому капиталу: «Теперь вся жизнь строилась на кредите: дома строили в кредит, промысла в кредит, торговля в кредит» (с. 392). Иллюзорность жизни и ее эфемерная неустойчивость, исчезающая стабильность бытия выразились в том, какой суматошной, суетливой и безнравственной показывается жизнь новых людей. Ликвидация последствий пожара в материальном мире не сопровождается последующим исправлением человека¹⁵. Человек ничему на учится, напротив, наступает смерть души и физическая смерть от голода: «...по первым заморозкам, Заполье очутилось в каком-то малом осадном положении. В город со всех сторон брели толпы голодающих, – это был авангард страшной голодной армии» (с. 398–399).

По дороге из скита возвращаются к себе домой в Заполье Михей Зотыч с близким другом и духовным наставником. Ситуация зеркально повторяет его путешествие в начале романа, где Колобок любовался неисчерпаемыми богатствами хлебного края. Но в данном случае разворачивается «хождение по мукам» в умирающей от голода зауральской земле. Окружающая обстановка такова, что царство антихриста становится для них не фактом будущего Второго пришествия а фактом времени, и зауральская действительность напоминает

¹² Ср.: «И ниспал огонь с неба и пожрал их» (Откр. 20:9).

¹³ Ср.: «и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12).

¹⁴ См.: воспроизведение миниатюр из уральских старообрядческих рукописей в альбоме [Ануфриева, Починская].

¹⁵ Пожар как наказание за аморальность проникнет и в литературу советского периода. Самым показательным текстом является повесть В. Распутина «Пожар» (1986). Исследователь замечает: «Банальный сюжет пожара на поселковом складе разворачивается в тексте по аналогии с мотивами Апокалипсиса и старообрядческих гарей» [Ковтун, с. 177].

картины адских мук. Для старовера Колобка легче примирить свое сознание с убеждением, что это все дело рук антихриста, который доставал их по дороге и которому верующий человек может противостоять, чем услышать трезвые рассуждения бывшего слуги Вахрушки: «...Ну, плохой антихрист, который будет по дорогам бегать! К настоящему-то сами все придут и сами поклонятся. На, радуйся, все мы твои, как рыба в неводу... Глад-то будет душевный, а не телесный. Понял?» (с. 414).

Представления о современном мире как царстве антихриста и времени наступления конца света были присущи старообрядчеству, ответвления которого были широко представлены на Урале [Гурьянова]. Мамин-Сибиряк основательно интересовался идеями, историей и бытом староверов [Соболева, 2002; Соболева, 2008], образы староверов, их жизненные воззрения привлекали писателя в различных аспектах¹⁶. Но состояние «конца света» в романе, в отличие от старообрядческих эсхатологических ожиданий, не неизбежно, а является результатом человеческой деятельности. Это вытекает из подчинения различных сословных структур одному антихристу, проявления которого явственно ощущает писатель, – это злая сила жадности, жестокости, честолюбия людей. Именно эти качества порождают цинизм при желании обогащения любой ценой, что становится силой неизмеримо более сокрушительной, чем природные стихии. Эта сила сметает на своем пути все прежние традиции и обычаи, верования, нравственные принципы, чистые чувства и честный труд¹⁷. Мамин-Сибиряк подвергает этому испытанию всех героев романа, приводя их к сокрушительному поражению в самой возможности достижения гармонии и человеческого счастья даже при внешнем успехе предпринимательства (Галактион). Показывая этот горький для национального чувства процесс, автор достигает эпического размаха, привлекая образы стихий, обращаясь к библейским параллелям в поэтике, конструируя сюжет на основе соединения разрушения человека и разрушения народного бытия. Однако эта горечь писательского чувства и является главным утешением для читателя. В силе описания трагич-

¹⁶ На рубеже веков в крестьянской среде произошло оживление идей конца света, что было связано с процессами ускоренной адаптации патриархального сознания к новым знаниям и представлениям, свойственным «городскому» типу культуры. См.: [Мельникова].

¹⁷ В письме Д. Н. Мамина-Сибиряка знакомому А. П. Пятковскому (25 мая 1891) выявляется суть конфликта: «...Бассейн Исети снабжал своей пшеницей весь Урал и слыл золотым дном. Центр хлебной торговли – уездный город Шадринск процветал, мужики благоденствовали. Все это существовало до того момента, когда открылось громадное винокуренное дело, а затем уральская железная дорога увезла зауральскую пшеницу в Россию. На сцене появились громадные капиталы – мелкое хлебное купечество сразу захудало. Хлебные запасы крестьян были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки. Теперь это недавнее золотое хлебное дно является аренной периодических голодовок, и главными виновниками их являются винокурение и вторжение крупных капиталов. Все эти процессы проходят наглядно, и тема получает глубокий интерес. Я собирал для нее материалы в течение 10 лет и все не мог решиться пустить их в ход...» [Русская старина, с. 422].

ности российской жизни кроется надежда на возможное исцеление, что соответствует христианскому миропониманию автора, основанному на глубоко укоренившейся мысли библейского и народно-христианского генезиса¹⁸ о возможности спасения.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Вода // Мифы народов мира : в 2 т. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 240.
- Андреев Л.* Царь Голод. Представление в пяти картинах с прологом. СПб. : Шиповник, 1908. 126, [18] с.
- Ануфриева Н. В., Починская И. В.* Лицевые апокалипсисы Урала. Православная традиция и элементы европейского культурного влияния. Екатеринбург, 2014. 232 с.
- Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск : Наука, 1988. 187 с.
- Девятайкина Г. Л.* Топонимический аспект романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Региональный и литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 284–289.
- Дергачев И.* Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. С. 422 – 431.
- Дмитрий Ростовский.* Жития святых : в 12 т. Б. м. : Сибирская благовонница, 2011. Месяц октябрь. С. 261–269.
- Емельянов А. П.* Голод в отражении русской литературы и публицистики : Указатель книг, журнальных и газетных статей по истории голода в России и вопросам, связанным с ним. Казань, 1922. IV, 52 с.
- Златовратский Н. Н.* Повести, рассказы, очерки. М. : Современник, 1988. 684, [1] с.
- Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л. : Наука, 1978. 288 с.
- Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России XIX в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1978. 342 с.
- Книга М. Д.* История голода 1891–1892 гг. в России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 23 с.
- Ковтун Н. В.* Современная традиционалистская проза : Идеология, мифопоэтика : учебное пособие. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. 352 с.
- Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Пг., 1914.
- Кунгурцева Н. А.* Река Чусовая в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : Сборник статей. Вып. 3 : Автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2008. С. 250–258.
- Леонтович Ф. И.* Голодовки в России до конца прошлого века // Северный вестник. 1892. № 111. С. 47–77.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Хлеб / под ред. И. А. Дергачева. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1984. 430 с.
- Мельникова Е.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266.
- Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб. : Изд-во РХГИ, 1999. 896 с.
- Миочкина Л. И.* Социальный роман Д. Н. Мамина-Сибиряка как порождение «особого быта Урала» // Региональные аспекты изучения литературы и фольклора на материале Урала. Челябинск, 1984. С. 20–32
- Митрофанова Л. М.* Концепт «хлеб» в структуре одноименного романа Д. Н. Мамина-Сибиряка // Дергачевские чтения : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : Материалы Всеросс. научн. конф. / сост. А. В. Подчинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 1. С. 176–183.

¹⁸ О христианской подоплеке в ряде рассказов Мамина-Сибиряка, выводящей к природе творческого метода писателя, называемого «одухотворенный реализм», писал О. В. Зырянов [Творческое наследие, с. 36–40].

Носова Е. А. Голод 1891–1892 гг. и зерновой рынок Западной Сибири // Известия АлтГУ. 2007. № 4/1 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.asu.ru/ru/fmt.ru.html> (дата обращения: 02.05.2015).

Охоцимский А. Образ-парадигма Божественного огня в Библии и в христианской традиции // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира. М. : Феория, 2013. С. 45–81.

Романович-Славятинский Л. В. Голода в России и меры правительства против них // Университетские известия. Киев. 1892. Янв. С. 27–68.

Русская старина. 1916. Декабрь.

Соболева Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 5 (24). Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. С. 97–122.

Соболева Л. С. Репрезентация родового мира в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 137–148.

Соболева Л. С. Старообрядческий мир в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : Сборник статей. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2008. С. 143–156.

Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения : К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя / общ. ред. и предисл. О. В. Зырянова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. 480 с.

Толстая С. М. Молоко [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/m/moloko8.php> (дата обращения: 25.05.2015).

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Гослитиздат, 1928–1958.

Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М. : Индрик, 2003. 624 с.

Топорков А. Л. Река [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/r/reka0.php> (дата обращения: 25.05.2015).

Цитович П. О голодах в Западной Европе // Киевские университетские записки. 1891. Т. 12.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. в 18 т. М. : Наука, 1974–1982.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.

Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. 237 с.

References

Andreev, L. (1908). *Czar' Golod. Predstavlenie v pyati kartinah s prologom* [King Hunger]. 126, [18] p. Saint Petersburg, Shipovnik.

Anufrieva, N. V. & Pochinskaya, I. V. (2014). *Licevy'e apokalipsisy' Urala. Pravoslavnyaya tradiciya i e'lementy' evropejskogo kul'turnogo vliyaniya* [Illuminated Apocalypses of the Urals. Orthodox Christian Tradition and Elements of European Cultural Influence]. 232 p. Yekaterinburg.

Averincev, S. S. (1980). Voda [Water]. In *Mify' narodov mira* (in 2 vols.). (Vol. 1, p. 240). Moscow, Sovetskaya e'nciklopediya.

Chehov, A. P. (1974–1982). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters] (in 30 vols.). Moscow, Nauka.

Chicherov, V. I. (1957). *Zimnij period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov* [The Winter Period of the Russian Folk Agricultural Calendar of the 16th – 19th Centuries]. 237 p. Moscow, AN SSSR.

Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodny'e social'no-utopicheskie legendy' XVII–XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the 17th – 19th Centuries]. 341 p. Moscow, Nauka.

Citovich, P. (1891). *O golodah v Zapadnoj Evrope* [On Famines in Western Europe]. In *Kievskie universitetskie zapiski* (Vol. 12).

Dergachev, I. (1984). *Kommentarii* [Commentaries]. In Mamin-Sibiryak, D. N. *Hleb* (pp. 422–431). Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Devyatajkina, G. L. (2008). *Toponimicheskij aspekt romana D. N. Mamina-Sibiryaka «Hleb»* [The Toponymic Aspect of D.N. Mamin-Sibiryak's Novel Bread]. In *Regional'ny'j i literaturnyj landshaft v russkoj perspektive* (pp. 284–289). Tyumen.

Dmitrij Rostovskij (2011). Zhitiya svyaty'h [Hagiographies] (in 12 vols.). (Oktober, pp. 261–269). Sibirskaya blagozvonnicza.

Emel'yanov, A. P. (1922). *Golod v otrazhenii russkoj literatury' i publicistiki: Ukazatel' knig, zhurnal'ny'h i gazetny'h statej po istorii goloda v Rossii i voprosam, svyazanny'm s nim* [Famine as Reflected in Russian Fiction and Non-Fiction: An Index of Books, Magazine and Newspaper Articles on the History of Famine in Russia and Related Issues]. IV, 52 p. Kazan.

Gur'yanova, N. S. (1988). *Krest'yanskij antimonarhicheskiy protest v staroobryadcheskoj e'shatologicheskoj literature perioda pozdnego feodalizma* [Peasant Antimonarchist Protest in Old Believer Eschatological Literature of the Late Feudalism Era]. 187 p. Novosibirsk, Nauka.

Kitanina, T. M. (1978). *Hlebnaya trgovlya Rossii v 1875–1914 gg.* [Bread Trade in Russia between 1875 and 1914]. 288 p. Leningrad, Nauka.

Klibanov, A. I. (1978). *Narodnaya social'naya utopiya v Rossii XIX v.* [Folk National Utopia in 19th Century Russia]. 342 p. Moscow, Nauka.

Kniga, M. D. (1997). *Istoriya goloda 1891–1892 gg. v Rossii* [The History of Famine of 1891–1892 in Russia]. (Abstract of a PhD Thesis). 23 p. Voronezh.

Korolenko, V. G. (1914). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Petrograd.

Kovtun, N. V. (2013). *Sovremennaya tradicionalistskaya proza: Ideologiya, mifopoe'tika* [Modern Traditionalist Prose: Ideology, Mythopoeitics: a Tutorial]. 352 p. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'ny'j universitet.

Kungurceva, N. A. (2008). Reka Chusovaya v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [The Chusovaya River in D. N. Mamin-Sibiryak's Early Creative Work]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* (Iss. 3, pp. 250–258). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Leontovich, F. I. (1892). Golodovki v Rossii do konca proshlogo veka [Hunger Strikes in Russia at the End of Last Century], *Severnyj vestnik*, III, pp. 47–77.

Mamin-Sibiryak, D. N. (1984). (Dergachev, I. A., ed.). *Hleb* [Bread]. 430 p. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

Mel'nikova, E. (2004). E'shatologicheskie ozhidaniya rubezha XIX–XX vekov: konca sveta ne budet? [Eschatological Expectations of the Turn of the 20th Century: Will there Be no End of the World?], *Antropologicheskij forum*, I, pp. 250–266.

Mil'kov, V. V. (1999). *Drevnerusskie apokrif'y* [Old Russian Apocrypha]. 896 p. Saint Petersburg, RHGI.

Minochkina, L. I. (1984). Social'ny'j roman D. N. Mamina-Sibiryaka kak porozhdenie «osobogo by'ta Urala» [D. N. Mamin-Sibiryak's Social Novel as a Result of a 'Special Mode of Life of the Urals']. In *Regional'ny'e aspekty' izucheniya literatury' i fol'klora na materiale Urala* (pp. 20–32). Chelyabinsk.

Mitrofanova, L. M. (2002). Koncept «hleb» v strukture odnoimennogo romana D. N. Mamina-Sibiryaka [The Bread Concept in the Structure of D. N. Mamin-Sibiryak's Same-Named Novel]. In Podchinenov, A. V. (Comp.). *Dergachevskie chteniya: Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'ny'e osobennosti* (Vol. 1, pp. 176–183). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Nosova, E. A. (2007). *Golod 1891–1892 gg. i zernovoj ry'nok Zapadnoj Sibiri* [The Famine of 1891–1892 and the Grain Market of Western Siberia]. In *Izvestiya AltGU*, iss. 4/1, available at: <http://izvestia.asu.ru/fmt.ru.html> (accessed: 02.05.2015).

Ohocimskij, A. (2013). Obraz-paradigma Bozhestvennogo ognya v Biblii i v hristianskoj tradicii [The Paradigm Image of the Holy Fire in the Bible and Christian Tradition]. In *Ierotopiya ognya i sveta v kul'ture vizantijskogo mira* pp. 45–81. Moscow, Feoriya.

Romanovich-Slavyatinskij, L. V. (1892). *Goloda v Rossii i mery' pravitel'stva protiv nih* [Famines in Russia and the Government's Measures against Them], *Universitetskie izvestiya*, January, pp. 27–68. Kiev.

Russkaya starina [Russian Antiquities] (1916). December.

Soboleva, L. S. (2002). Istoki predstavlenij o staroobryadchestve v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [Sources of the Idea of Old Belief in D.N. Mamin-Sibiryak's Creative Work]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* (Iss. 5 (24), pp. 97–122). Yekaterinburg, UrGU.

Soboleva, L. S. (2008). Staroobryadcheskiy mir v proizvedeniyah D. N. Mamina-Sibiryaka [The Old Believer World in D. N. Mamin-Sibiryak's Works]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statej* (Iss. 4, pp. 143–156). Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Soboleva, L. S. (2012). *Reprezentaciya rodovogo mira v tvorcestve D. N. Mamina-Sibiryaka* [The Representation of the Family World in D. N. Mamin-Sibiryak's Creative Work]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny'e nauki* (Vol. 4, no. 108, pp. 137–148).

Tolstaya, S. M. *Moloko* [Milk], available at: <http://pagan.ru/slowar/m/moloko8.php> (accessed: 25.05.2015).

Tolstoj, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochenenij* [Complete Works] (in 90 vols.). Moscow, Goslitizdat.

Tolstoj, N. I. (2003). *Oчерки slavyanskogo yazy'chestva* [Essays on Slavic Heathenism]. 624 p. Moscow, Indrik.

Toporkov, A. L. *Reka* [River], available at: <http://pagan.ru/slowar/r/reka0.php> (accessed: 25.05.2015).

Zlatovratskij, N. N. (1988). *Povesti, rasskazy', oчерki* [Short Novels, Stories, Essays]. 684, [1] p. Moscow, Sovremennik.

Zy'ryanov, O. V. (Ed., Foreword). (2013). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy' izucheniya: K 160-letiyu so dnya rozhdeniya i 100-letiyu so dnya smerti pisatelya* [D. N. Mamin-Sibiryak's Artistic Legacy: Research Results and Prospects. For the Writer's 160th Birthday Anniversary and 100th Death Anniversary]. 480 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii.

Лариса Степановна Соболева,

профессор,

Уральский федеральный

университет,

Екатеринбург, Россия

l.s.soboleva@mail.ru

Larisa Soboleva,

Professor,

Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

l.s.soboleva@mail.ru